

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том IX, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2013

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. IX. Ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX веков. К 100-летию Ю. С. Сорокина / Отв. ред. И. А. Малышева, В. Н. Калиновская. СПб.: Изд-во «Наука», 2013. — 835 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038342-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
Dr. Habil. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко,
д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова,
чл.-корр. РАН Е. В. Головки,
PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко,
PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук С. А. Мызников,
д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ),
PhD Prof. J. Russel / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),
д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

д. филол. н. И. А. Малышева, к. филол. н. В. Н. Калиновская

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РФНФ № 13-04-14035
Международная научная конференция «Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX вв.» к столетию Ю. С. Сорокина

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<http://iling.spb.ru/alp/issues.html>

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038342-5

© Коллектив авторов, 2013.

© ИЛИ РАН, 2013

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

**РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
XVII–XIX ВЕКОВ**

К 100-летию Ю. С. Сорокина

К. Н. Лемешев

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ФИГУРЫ ПОВТОРЕНИЯ И УСУГУБЛЕНИЯ
В «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ»
М. В. ЛОМОНОСОВА¹**

В работе 1869 г. «М. В. Ломоносов как натуралист и филолог» А. С. Будилович, рассматривая «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова², дает следующую характеристику этому ломоносовскому трактату: «Риторика» Ломоносова напоминает мозаическую картину: с разных сторон подбирает он уже раскрашенные камешки, но ему принадлежит их группировка, совершенно оригинальная, или по крайней мере, очень отличная от расположения тех же материалов в источниках» [Будилович 1869: 104]. Продолжив текстологические сопоставления, начатые А. С. Будиловичем, и расширив круг источников, к тем же выводам приходит М. И. Сухомлинов, сопровождая обзор Риторики обширными цитатами из работы своего предшественника [Сухомлинов 1895: 287]. Без изменений сохраняет он и другое рассуждение, посвященное соотношению оригинального и заимствованного в отдельных частях ломоносовского текста, в котором А. С. Будилович пишет, в частности, что «всего менее оригинальными должно считать главы о тропах и фигурах» [Будилович 1869: 107].

Заметим, что работы Будиловича и Сухомлинова до сих пор являются наиболее полным филологическим исследованием «Краткого руководства к красноречию», а высказанные в них положения не подвергались ни пересмотру, ни сколько-нибудь существенному уточнению. В то же время не были они и

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова» (грант РГНФ № 12-04-00109, руководитель — проф. П. Е. Бухаркин).

² Далее для указания на этот текст мы используем принятое в академической традиции сокращение «Риторика 1748».

полностью раскрыты — ни самими авторами, в чью задачу не входило подробное изучение риторической теории Ломоносова, ни последующими исследователями его филологических трудов. В настоящее время в Институте лингвистических исследований РАН в рамках проекта по исследованию «Краткого руководства к красноречию» ведется работа по созданию словаря риторической терминологии М. В. Ломоносова. Обращение к тексту Риторики 1748 на новом этапе развития филологической мысли создает предпосылки для научного анализа этого трактата. В настоящей статье предпринимается попытка подобного анализа — на материале глав, посвященных описанию фигур, которые Будилович в свое время охарактеризовал как наименее оригинальные.

Среди фигур речений, описанных в главе 5 части II «О украшении», две — повторение и усугубление — выделяются тем, что представлены в виде иерархической структуры, основанной на родо-видовых отношениях. У повторения выделяется 5 разновидностей, у фигуры усугубления — 3. Это сочетается еще с одной особенностью: большинство описанных Ломоносовым разновидностей имеют в классической риторике свои собственные наименования и являются самостоятельными фигурами. У Ломоносова же они «понижены» в статусе: это следует из открывающего пятую главу номенклатурного ряда и последующего описания.

- (1) *Из фигур речений знатнейшие суть: повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзи, бессоюзи и согласование.* [Ломоносов 1952 VII: 257].
- (2) *Повторение есть многократное положение речения в предложениях, что бывает: 1) Когда в начале каждой части периода или в начале многих коротких периодов одно слово повторяется <...> 2) Иногда и два, и больше речений в начале повторяют <...> 3) Когда на конце многих предложений одно речение повторяется <...> 4) Когда одно речение в начале, а другое на конце предложения повторяется <...> 5) Когда два речения, которые вместе стоят, порознь повторяются в разных идеях.* [Ломоносов 1952 VII: 258–259].

- (3) *Усугубление есть, когда одно слово дважды полагается в одном предложении. Сие бывает 1) в начале предложения непосредственно <...> 2) Когда слово усугубляется с посредством одного или двух речений <...> 3) Когда в начале и на конце предложений слово усугубляется.* [Ломоносов 1952 VII: 259]³.

Как видно из примеров, слово *фигура* у Ломоносова относится только к повторению и усугублению, а их разновидности, приведенные в форме нумерованного списка, описаны как позиционные реализации.

Сравним это с тем, как описываются данные фигуры в риториках, которые со времен А. С. Будиловича и М. И. Сухомлинова считаются основными источниками Риторики 1748 и были использованы ими для составления примечаний к главе «О фигурах речений». Это латинские риторические трактаты Франсуа-Антуана Помея [Pomey 1712] и Николя Коссена [Caussinus 1637], немецкая риторика Иоганна-Кристофа Готшета [Gottsched 1736], а также церковнославянская риторика Михаила Усачева [Усачев]⁴. Сначала укажем соответствия в наименованиях для разновидностей повторения и усугубления:

- (4) общее наименование для разновидностей повторения — в *риториках-источниках отсутствуют.*
- (5) Повторение 1 — риторика Помея: *repetitio* [Pomey 1712: 96]; риторика Коссена⁵: *anaphora* [Caussinus 1637: 421];

³ В дальнейшем для указания на разновидности повторения и усугубления мы будем использовать следующие обозначения: повторение 1, повторение 2, повторение 3 и т. д., усугубление 1, усугубление 2 и т. д.

⁴ М. И. Сухомлинов цитирует риторику Усачева по списку № 1663 из собрания Погодина Российской национальной библиотеки. Мы пользуемся другим, более исправным списком из этой же библиотеки — собрание Титова, № 2175.

⁵ В данном сопоставлении мы не учитываем материал из энциклопедического раздела риторики Коссена под названием «Номенклатура риторических фигур», поскольку принципы описания Ломоносова обнаруживают большее сходство с теми главами латинского

- риторика Готшеда: *anaphora* [Gottsched 1736: 279];
риторика Усачева: *анафора, повторение* [Усачев: 122].
- (6) Повторение 2 — в источниках описание отсутствует.
- (7) Повторение 3 — риторика Поменя: *conversio* [Pomey 1712: 97];
риторика Коссена: *epistrophe seu conversio* [Caussinus 1637: 421];
риторика Готшеда: *epiphora* [Gottsched 1736: 279];
риторика Усачева: *антистрофа, возвращение* [Усачев: 122].
- (8) Повторение 4 — риторика Поменя: *complexio* [Pomey 1712: 97];
риторика Коссена: *epanalepsis seu complexio* [Caussinus 1637: 421];
риторика Готшеда: *symploce* [Gottsched 1736: 280];
риторика Усачева: *симплоки, связание* [Усачев: 122–122 об.].
- (9) Повторение 5 — риторика Поменя: *описание отсутствует*;
риторика Коссена: *описание отсутствует*; риторика Готшеда: *epanodos* [Gottsched 1736: 279];
риторика Усачева: *описание отсутствует*.

Из данного сопоставления видно, что большинство разновидностей повторения в риториках-источниках, за исключением *повторения 2*, всегда имеют наименование и при этом нет ни одного источника с полным отсутствием наименований. Несколько отличается от этого описание усугубления:

- (10) общее наименование для всех видов усугубления — риторика Поменя: *conduplicatio* [Pomey 1712: 98]; риторика Коссена: *anadiplosis* [Caussinus 1637: 421]; риторика Готшеда: *нет*; риторика Усачева: *усугубление* [Усачев: 122 об.].
- (11) Усугубление 1 — риторика Поменя: *описание без наименования*; риторика Коссена: *описание без наименования*; Готшед: *epizeuxis* [Gottsched 1736: 279–280]; риторика Усачева: *эпизеуксис* [Усачев: 122 об.].
- (12) Усугубление 2 — риторика Поменя: *описание без наименования*; риторика Коссена: *описание без наименования*;

трактата, в которых Коссен излагает свою собственную систему, в частности с главой 21 седьмой книги.

риторика Готшеда: *описание без наименования*; риторика Усачева: определяется описательно с помощью словосочетания *инако усугубление* [Усачев: 122 об.–123].

- (13) Усугубление 3 — риторика Поменя: *описание без наименования*; риторика Коссена: *описание без наименования*; риторика Готшед: *epanalepsis* [Gottsched 1736: 280]; риторика Усачева: *епаналепсис* [Усачев: 122 об.].

Из сопоставления видно, что несколько разновидностей усугубления не имеют наименования в источниках. Однако в данном случае это связано не с отсутствием разновидности, поскольку либо имеется их описание, пусть и очень краткое, либо есть пример, репрезентирующий данную разновидность. При этом в отличие от повторения в нескольких риториках выделяется и получает наименование родовое понятие усугубления (см. пример (10)), т. е. можно говорить о выраженности двухуровневой иерархии. Это похоже на описание в Риторике 1748, но сопоставление в целом показывает, что принципиальное отличие русского трактата от источников заключается именно в полном отсутствии каких-либо наименований у разновидностей повторения и усугубления.

Одно из объяснений этой особенности могло бы заключаться в том, что в номинации тропов и фигур у Ломоносова наблюдается своего рода двунаправленная унификация. Для наименования тропов используются только греческие по происхождению термины (хотя в риториках-источниках имеются и латинские, и русские эквиваленты), а для наименования фигур — только русские. Если предположить, что это регулярное соотношение терминов, не знающее ни одного исключения, возникло у Ломоносова не случайно и имело статус правила (хотя нигде и не сформулированного), то отсутствие номинаций у разновидностей повторения и усугубления можно было бы связать с тем, что по каким-то причинам Ломоносов не смог найти приемлемых вариантов перевода. При этом в соответствии с принципом гомогенности терминологии он не мог для номинации фигур воспользоваться латинскими или греческими терминами, как это было сделано, например, в риторике Усачева (см. примеры (5), (7), (8), а особенно (11) и (13)). В этих условиях нулевая номинация стала

единственным выходом из положения. Впрочем, слабым местом этого объяснения безусловно является ссылка на некую особую «непереводимость» исходных терминов, ставших препятствием для такого опытного переводчика, каким был Ломоносов.

С нашей точки зрения, отсутствие наименований у разновидностей фигур повторения и усугубления связано с другой особенностью описания этих фигур в Риторике 1748, а именно с последовательной иерархичностью, которая и требует объяснения.

Необходимо заметить, что только у Ломоносова иерархический принцип проведен последовательно и в равной степени касается обеих фигур. Они описаны как бы симметрично: общее наименование для родового понятия и отсутствие номинации у разновидностей. Этой симметрии мы не найдем ни в одной из риторик-источников, хотя объективные основания для такого представления данных фигур имеются. Действительно, у повторения и усугубления, с одной стороны, есть общая черта: они основаны на словесном повторе; с другой — есть системное различие: разновидности усугубления создаются повтором слова в одном **предложении**, а для разновидностей повторения требуется, чтобы повторяющийся элемент занимал одинаковую позицию в предложениях, входящих в состав одного **периода**. Эта зависимость от формата текстовой единицы традиционна и отражена в риториках-источниках. Однако она не приводит к созданию законченной иерархии и симметрии в описании повторения и усугубления, о чем свидетельствует сопоставление их классификаций.

В риториках Поменя, Готшеда и Усачева при описании видов повторения иерархическая модель никак не используется: нет ни родо-видовой структуры, ни гиперонима, ни указаний на какой-либо общий, объединяющий признак. На родство указывает только порядок описания: в тексте они следуют друг за другом.

Сложнее отношения между фигурами в тексте Коссена. Повторение и усугубление входят в отдельный класс фигур, описанию которого посвящена глава 21 седьмой книги. В ней нет развернутых теоретических рассуждений или комментариев, однако объединяющий признак сформулирован в заголовке: «О третьей серии фигур, которые основаны на повторении»

[Caussinus 1637: 421]. Разграничение между собственно повторением и усугублением не оговаривается, однако оно проводится фактически и отражается в структуре главы, которая состоит из двух подразделов. Первый («Anadiplosis») посвящен описанию усугубления, второй («Anaphora, Epistrophe, Epanalepsis, Traductio, Allusio, Commutatio») — описанию повторения и некоторых других фигур, основанных на словесном повторе [Caussinus 1637: 421]. Хотя второй подраздел включает шесть фигур, однако никакого родового понятия для них не формулируется, а в заголовке они просто перечислены. И открывают этот перечислительный ряд три разновидности повторения: анафора, эпистрофа и эпаналепсис, — которые также не обособляются в какую-либо подгруппу.

Данное сопоставление позволяет сделать вывод о том, что родо-видовая иерархия в источниках сравнительно с самой Риторикой 1748 проявляется лишь частично и касается в основном усугубления (см. примеры (10)–(13)). У Коссена сделана попытка создать завершённую иерархию, однако и она не является вполне последовательной. Признак «повторения» обозначен как общий для семи самостоятельных фигур, но затем из них выделяются неравные по количеству и несимметрично описанные подгруппы.

В основе ломоносовского описания также лежит признак формата лингвистической единицы, в которой реализуется риторическая фигура. На то, что именно с его помощью выстраивается иерархия и производится разграничение между повторением и усугублением явным образом указывают дефиниции фигур и их разновидностей:

- (14) *Повторение есть многократное положение речения в предложениях, что бывает: 1) Когда в начале каждой части периода или в начале многих коротких периодов одно слово повторяется* [Ломоносов 1952 VII: 258].

Как видно из этого определения, здесь говорится о повторении слова в предложениях, 1) либо соединённых в период, состоящий из нескольких членов (частей); 2) либо представ-

ленных как последовательность коротких периодов, являющаяся трансформацией одного долгого периода⁶.

В отличие от повторения усугубление реализуется в составе одного предложения без какой-либо связи с образованием периодов, на что ясно указывается в определении:

(15) *Усугубление есть, когда одно слово двояжды полагается в одном предложении* [Ломоносов 1952 VII: 259].

В описаниях разновидностей также ни разу не упоминается период или его составные части.

На то, что повторение, в отличие от усугубления, непосредственно связано с организацией периодов в тексте, указывает следующее замечание в § 55 Риторике:

Периоды пополняются еще чрез повторения, однознаменательные речения, наращения и другие фигуры, в речениях состоящие. [Ломоносов 1952 VII: 132]

Несмотря на неопределенное «и другие фигуры, в речениях состоящие», следует обратить внимание на то, что порядок, в котором в данном фрагменте перечислены фигуры («повторения, однознаменательные речения, наращения») в точности соответствует последовательности их описания в пятой главе «О фигурах речений» («однознаменательные речения» и «наращение» в данном случае являются описательными обозначениями фигур *единознаменование* и *восхождение*). Однако есть важное исключение: из этого списка изъято усугубление. Причина состоит в том, что усугубление — единственная фигура в этом ряду, которая не может быть использована для пополнения периодов.

Таким образом, последовательная иерархия и симметричность описания повторения и усугубления соотносится в Риторике 1748 с последовательно использованным признаком формата текстовой единицы. Родовые понятия повторения и усугубления,

---

⁶ Понятие долгого периода Ломоносовым подробно не рассматривается, однако оно упоминается и соотносится с понятием короткого периода в § 44 Риторике 1748: «В некоторых случаях (...) речь состоит из весьма коротких и по большей части одночленных периодов, в которые могут переменены быть долгие чрез отъятие союзов». [Ломоносов 1952 VII: 124].

выделяемые на этой основе, считаются самостоятельными фигурами. Что касается разновидностей, то они перестают рассматриваться как самостоятельные фигуры из-за того, что их выделение не связано с существенным для данной микросистемы признаком и производится на традиционной основе — в зависимости от позиции повторяющегося элемента. Потеря статуса самостоятельной фигуры и влечет за собой утрату наименований.

Возвращаясь к изложенным в начале положениям Будиловича и Сухомлинова, следует отметить, что рассмотренный в настоящей статье материал не только подтвердил их, но и позволил внести некоторое уточнение. Хотя и в отношении очень ограниченного фрагмента, мы тем не менее можем говорить не просто о каких-либо текстуальных перестановках сравнительно с источниками, но о построении Ломоносовым в рамках жесткого канона традиционной теории тропов и фигур своей собственной оригинальной системы.

Литература

- Будилович 1869 — А. С. Будилович. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб. 1869.
- Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. VII. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.–Л.: АН СССР. 1952. С. 89–378.
- Сухомлинов 1895 — М. И. Сухомлинов. Примечания // Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. III. СПб.: Издание Имп. АН. 1895.
- Усачев — Российская национальная библиотека, собрание Титова, № 2175.
- Caussin 1637 — N. Caussin. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta, non ignobilior pracedentibus. Lugduni. 1637.
- Gottsched 1736 — J. Ch. Gottsched. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig. 1736.
- Pomey 1712 — F. A. Pomey. Candidatus Rhetoricae, olim a Patre Franc. Pomey digestus. In hac editione novissima a Patre Josepho Juvencio auctus, emendatus, et perpolitus. Parisiis. 1712.